(cc) BY

Бурукина Ольга Алексеевна
канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва
аспирант
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет имени И.С. Тургенева»
г. Орел, Орловская область

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: *в статье анализируются факторы, повлиявшие на восприятие британцами российской политики и культуры в конце XIX – начале XX века и формирование в их сознании противоречивого образа Российской империи, истинную сущность и потенциал которой не смогли распознать даже лучшие политические британские умы: Р. Гаскойн-Сесил, У.Ю. Гладстоун, А. Примроуз, А. Бальфур, Г. Кэмпбелл-Баннериан, Г.Г. Асквит и др. При этом ведущие деятели британской культуры, получившие мировую известность, – Дж. Конрад, К. Мэнсфилд, В. Вульф и др. – сумели по достоинству оценить значение русской культуры, ставшей основой британского модернизма.*

Ключевые слова*: образ России, ключевые факторы формирования образа, геополитическое противостояние, военное противостояние, индустриализация, русская культура, имперские амбиции, пропаганда.*

Введение. В XIX – начале XX вв. политические и экономические силы по всей Европе кардинально изменили страны и народы, их населявшие. Менее чем через столетие абсолютистские идеалы старого режима начали угасать, в то время как революционные идеалы свободы и демократии пытались завладеть всей Европой. Индустриализация с ее мощными экономическими связями в значительной степени подпитывала революционные идеи через развитие как

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

социальной борьбы, так и социального неравенства. Более того, националистические настроения и империализм непосредственно способствовали этим изменениям, провоцируя расизм и конкуренцию между могущественными национальными государствами. Однако, как показано в этой статье, империализм, геополитика и индустриализация не всегда следовали логичной и устойчивой схеме. Скорее, они в значительной степени отличались друг от друга в зависимости от стран и народов, вовлеченных в прогресс. В результате европейские страны в течение всего XIX в. испытывали спорадические волны перемен.

Русское искусство – литература, музыка, живопись и балет – оказало значительное влияние на становление многих британских писателей-модернистов в 1-й половине XX века, в то же время «русская революция» 1905 г. и «большевистская революция» 1917 года усилили как коммунистические, так и антикоммунистические настроения в Британии.

На протяжении XIX века и вплоть до заключения англо-российского договора 1907 года дипломатические отношения между Великобританией и Россией оставались неизменно враждебными. «Большой медведь» занимал важное место в воображении британских интеллектуалов, и, несмотря на враждебное восприятие британцами российских монархов, среди британской интеллигенции росло увлечение как достижениями русской литературы, представленными произведениями Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и А.П. Чехова, так и русскими народными традициями. Энтузиазм британской интеллигенции в отношении русской живописи, музыки и танцев достиг своего апогея в «моде на Россию» в 1910–1920-х гг. Позже «большевистская революция» 1917 года спровоцировала реакцию британских писателей и интеллектуалов левого толка на появление первого в мире откровенно социалистического государства.

Предпринимая успешные усилия по модернизации экономики, Российская империя продолжала расширять свою территорию в регионы Кавказа и Центральной Азии, чем едва не спровоцировала войну с Великобританией. Таким образом, *геополитическое противостояние* двух мировых сверхдержав стало

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

одним из наиболее значимых факторов, оказавших значительное влияние на формирование образа России в британском коллективном сознании.

Фактор 1. Геополитическое противостояние. По мнению Л. Трепаньер, эксперта Фонда Фёгелина, Российская империя стала кульминацией доминирования Московской Руси над соседями в Европе и Азии, где к концу XIX века только Британская империя была ее соперником по размерам и политической значимости. В разгар своего расширения Российская империя простиралась в восточной части Европы и на севере Азии и составляла почти одну шестую земного пространства, занимая территорию современной России, Украины, Беларуси, Молдовы, Финляндии, Кавказа (Армении, Азербайджана, Грузии), Средней Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана), Прибалтики (Литвы, Латвии, Эстонии) и значительную часть Польши и Турции. Обширные равнины с небольшими природными препятствиями повлияли на экспансию Российской империи в Восточную Европу, за Уральские горы, в Тихий океан и даже на Аляску и Калифорнию в Северной Америке. Однако, имея береговую линию только на севере – в районе Северного Ледовитого океана, Российская империя постоянно искала выход к теплым водам южных морей и океанов [20].

Новый виток стратегической геополитической и экономической конкуренции усилил напряженность в российско-британских отношениях в конце 1850-х гг., когда Великобритания вышла на азиатские рынки. Окончание Кавказской войны позволило высвободить войска для проведения кампаний по расширению российского влияния в Центральной Азии, которое британские стратеги немедленно истолковали как стратегическую угрозу Британской империи в Индии. Кроме того, и среди британской элиты, и в народных массах нарастала враждебность по отношению к растущей российской угрозе Османской империи, основной целью которой был контроль проливов, соединяющих Черное и Средиземное моря [11].

Вполне закономерным поэтому на фоне жесткого геополитического противостояния выглядит негативное представление России как варварской и отсталой

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

нации в отчетах британских путешественников и наблюдателей. Британская пресса изображала русских, еще в 1800 г. создавших Конституцию Республики Семи Островов (*греч*. Επτάνησος Πολιτεία) – самую прогрессивную конституцию того времени [1], – как суеверный и пассивный народ, достойный своего самодержавного царя. При этом русское «варварство» вполне закономерно противопоставлялось «цивилизованной» Британии [18].

В 1874 г. напряженность в отношениях между двумя странами уменьшилась в результате женитьбы второго сына королевы Виктории Альфреда на единственной дочери императора Александра II Марии Александровне, после чего последовал государственный визит доброй воли русского императора. Однако доброжелательные отношения между двумя державами длились не более трех лет – до тех пор, пока политические элиты вновь не подтолкнули две нации на грань войны.

В конце XIX в. российско-британское соперничество неуклонно росло в период Большой игры в Центральной Азии. Россия стремилась иметь порты с теплой водой в Индийском океане, в то время как Великобритания старалась помешать российским войскам получить потенциальный путь вторжения в Индию [5].

В 1885 г. в результате инцидента в Пяндже Россия аннексировала часть Афганистана, что повысило риск резкого ухудшения отношений между странами вплоть до развязывания Великобританией войны. После почти полного завоевания Россией Средней Азии (русский Туркестан) русские захватили афганский пограничный форт. Усмотрев в этом прямую угрозу для своей стратегической позиции в колонизированной Индии, Великобритания вплотную приблизилась к угрозе войны, но обе стороны отступили, и вопрос был урегулирован с помощью дипломатии. Результатом стало прекращение дальнейшей экспансии России в Азию, за исключением гор Памир, и определение северо-западной границы Афганистана. Однако министр иностранных дел России Николай Гирс и его посол в Лондоне барон де Стааль в 1887 г. создали в Центральной Азии буферную зону. Таким образом, российская дипломатия добилась неохотного признания

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

британцами российского экспансионизма. В этот период Персия также стала ареной геополитической напряженности, но без угрозы начала войны [15].

Хотя Великобритания по-прежнему имела серьезные разногласия с Россией в отношении угрозы России могуществу Османской империи и, возможно, даже позиции Великобритании в Индии, напряженность на Дальнем Востоке была намного ниже. Лондон пытался поддерживать дружеские отношения с С.-Петербургом в период 1860–1917 гг. и достиг ряда договоренностей с Россией в Северо-Восточной Азии – стратегическом направлении, в котором расширялись обе нации. В 1890-х гг. Россия построила Транссибирскую магистраль, а англичане расширяли в Китае масштабы своей коммерческой деятельности, используя Гонконг и договорные порты Китая. Россия искала круглогодичный порт к югу от своей главной базы во Владивостоке. Ключевым компонентом отношений между странами на этом направлении было то, что обе нации больше опасались имперских амбиций Японии, чем друг друга – и обе увидели в этом необходимость сотрудничества.

Россия и Великобритания укрепляли сотрудничество в этом регионе между собой (и Францией), отчасти вынуждая Японию прекратить ее завоевания после того, как она выиграла китайско-японскую войну 1894 г. В этот же период Россия все больше укреплялась в роли защитника Китая от японской агрессии [6]. Политика открытых дверей, продвигаемая в этот период Соединенными Штатами и Великобританией, была направлена на то, чтобы все страны на равных могли торговать с Китаем; эта политика была поддержана и Россией. Все основные державы сотрудничали в защите своих дипломатов во время Ихэтуаньского (Боксёрского) восстания (*кит.* 義和團運動) [7].

После убийства царя Александра II в 1881 году изгнанники – члены радикальной партии «Народная воля» и другие противники российской монархии оказались в Великобритании. Сергей Степняк и Феликс Волховский создали Российский фонд свободной прессы и журнал «Свободная Россия» для поддержки реформ и ликвидации российского самодержавия. Их поддержали либеральные,

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

нонконформистские и левые круги Великобритании, основавшие «Общество друзей русской свободы» [16].

Фактор 2. Военное противостояние: *русско-турецкие войны и русско-японская война*. Как и Великобритания, Российская империя расширяла свое влияние в Китае, для чего было инициировано строительство Транссибирской магистрали, и одержала окончательную победу над Османской империю, утвердив свое влияние на Балканах (1875–1877). Спор о том, кто из соперников – Россия или Япония – установит свою власть в Маньчжурии, привел к русско-японской войне (1904–1905), в результате которой Япония нанесла поражение Российской империи: впервые в новой и новейшей истории азиатская страна одержала верх над европейской.

Столкнувшись с беспорядками и революционными настроениями в России, Николай II принял посредничество президента США Теодора Рузвельта и согласился признать превосходство Японии в Маньчжурии и Корее, превосходство, которое, с одной стороны, не соответствовало действительности (с учетом несопоставимой разницы в экономических и человеческих ресурсах), а с другой – стало одним из наиболее значимых факторов, повлиявших на детериорацию имиджа Российской империи во всем мире и в Великобритании в частности.

В 1902 году Великобритания подписала военный союз с Японией. После поражения России от Японии в 1905 году Великобритания подписала с Россией соглашение 1907 г., разрешившее основные споры двух держав и позволившее им наладить отношения для раздела Маньчжурии. Таким образом, к 1910 г. отношения великих держав на Дальнем Востоке в целом приобрели мирный характер [6].

Однако вопрос о том, что Россия потеряла из-за своего поражения в русско-японской войне, не исчислялся только значительными материальными потерями и утратой былого влияния на Дальнем Востоке. При посредничестве США Россия утратила имидж реальной военной угрозы, плохо контролируемой западными державами. Царскую империю больше не боялись так, как прежде, и не уважали за военную мощь, потому что сравнительно небольшая Японская

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

империя оказалась способна победить русского гиганта. Это привело к ошибочной убежденности западных держав в том, что и все остальные желающие остановить экспансию России и нанести ей сокрушительное военное поражение будут в состоянии это сделать [13].

Этот новый компонент образа России очень дорого обошелся бы западному миру, если бы параллельно не велась целеустремленная работа по свержению российского самодержавия, всего через 10 лет увенчавшаяся успехом и позволившая уничтожить одну из самых перспективных экономик мира.

Фактор 3. Индустриализация и привлекательность российского рынка для британских инвесторов. В рассматриваемый период в мировом экономическом цикле капитал перемещался с перенасыщенных рынков развитых стран в развивающиеся экономики, такие как Российская империя, где не хватало внутреннего капитала, который пропорционально соответствовал бы имеющимся природным ресурсам и мог бы обеспечить необходимые темпы индустриализации. В ответ на указанные экономические тенденции изменилась структура международного бизнеса: многонациональные компании начали осваивать новые бизнес-структуры и модели финансирования, чтобы использовать новые возможности, представлявшиеся в странах с развивающейся экономикой [14].

Несмотря на различия в экономической конъюнктуре, главная область конфликта была обусловлена политическими решениями, в значительной степени противоположными указанным экономическим тенденциям. В то время как российский министр финансов С.Ю. Витте признавал значимость иностранных инвестиций в Россию, и старался выработать позицию правительства, соответствующую требованиям бизнеса и необходимым экономическим переменам, ему противостояла политическая система, которая поддерживала многочисленные уровни строгого контроля над делами иностранных компаний, и, хотя в рассматриваемый период отдельные аспекты этой системы развивались в положительном направлении, основная позиция российского правительства по отношению к интересам иностранного бизнеса всегда отставала от потребностей российской экономики в инвестиционном капитале, в том числе иностранном, а также в

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

законодательном обеспечении современной новым тенденциям структуры государственно-промышленных отношений и в последовательности политических решений правительства в отношении иностранных компаний [21].

В начале периода 1897–1907 гг. компании, перебрасывающие свои инвестиции в Россию на основе усложняющихся инвестиционных моделей применительно к новым отраслям, сталкивались с враждебностью со стороны Министерства внутренних дел и Военного министерства, получая при этом желаемую, но непоследовательную помощь от Министерства финансов. После того как экономический спад стал причиной более внимательного отношения российского правительства к внутренним экономическим тенденциям и был введен необходимый для законодательного обеспечения их развития принцип верховенства закона, российское правительство вполне закономерно придерживалось принципа верховенства закона, в первую очередь, для защиты интересов государства, часто в ущерб отношениям с иностранным капиталом.

Тем временем британские компании инвестировали в перспективные отрасли российской экономики, такие как добыча нефти, все более современными и сложными способами, что требовало существенной законодательной поддержки в отношениях между правительством и промышленностью [4].

Несинхронизированный характер указанных политических, экономических и бизнес-тенденций свидетельствует о том, что прямое вмешательство российского правительства в экономическое развитие Российской империи вызывало значительную неопределенность в отношении британских компаний, занимающихся прямыми инвестициями, и не могло в необходимой мере стимулировать экономическое развитие страны [2].

По мере того как российское правительство начало осознавать важность соблюдения принципа верховенства закона в производственных отношениях государства для поощрения иностранных инвестиций, его шаги в этом направлении на фоне юридических конфликтов лишь незначительно стимулировали британские компании к увеличению инвестиционных потоков в российскую промышленность [3].

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Данный факт имеет значение и для развития отношений российского правительства с формирующимся в России средним классом, интенсивно занимавшимся развитием бизнеса до 1914 года. Исследование Т. Джоунза показывает, что отношения между правительственными структурами и российскими деловыми кругами складывались в направлении правового регулирования, но неспособность российского правительства быстро усовершенствовать торговое право и его стремление сохранить авторитарный контроль над делами как российских, так и иностранных компаний, инвестирующих в российскую промышленность, отрицательно сказались на процессе формирования правового государства в этой конкретной области отношений между правительственными структурами и бизнес-сообществом в указанный период и вплоть до начала Первой мировой войны [14].

Фактор 4. «*Эдвардианская русофилия*»: *интерес к традиционному русскому укладу*. В первом десятилетии XX века, который получил в британских научных кругах название «Эдвардианская русофилия» (любовь ко всему русскому в период правления Короля Эдуарда VII, первого монарха из Саксен-Кобург-Готской (ныне Виндзорской) династии (*англ*. Edward VII, 1901–1910) в Великобритании экспоненциально возрастал интерес ко всему русскому.

Одним из важнейших направлений эдвардианской русофилии среди прогрессивных интеллектуалов стал их интерес к русскому крестьянству с его народным искусством и религиозными обрядами. Протагонистом этого направления стал Стивен Грэм, влиятельный писатель-путешественник и романист, чьи книги, в том числе «Неоткрытая Россия» (1912) и «С русскими паломниками в Иерусалим» (1913), внесли большой вклад в создание в среде британских интеллектуалов образа русской крестьянской жизни как жизни, полной простой красоты и духовной целостности, находящейся ближе к Богу по сравнению с более развращенным западным христианским миром [10].

В то время как С. Грэм превозносил духовность русского крестьянства, другие британские интеллектуалы начали интересоваться русским крестьянским искусством. Так, в 1908 году Фрэнк Раттер и Мария Тенишева организовали

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

выставку русского искусства в Альберт-Холле, где была представлена «неонациональная» школа русского народного искусства, в центре внимания которой были традиционные славянские темы и техники [9]. Сельская Россия стала для многих британских исследователем объектом нового направления в антропологии, при этом особенно отмечалась и ценилась простота русской крестьянской жизни (хотя это было в значительной степени фантазией) в отличие от британского общества, которое воспринималось британскими исследователями как «подавленное и чрезмерно утонченное» [19].

Фактор 5. Влияние русской литературы и русского авангарда. Пожалуй, сопоставимым с русской литературой по значимости и степени влияния на формирование британского литературного модернизма стало русское исполнительское искусство, а именно «Русские балеты», впервые увиденные британцами в 1911 году. Мультимедийные спектакли, задуманные и успешно воплощенные Сергеем Дягилевым, предоставили британским интеллектуалам новое представление о спектакле, сценографии и художественном зрелище [8].

Т.С. Элиот, ставший к 1920-м гг. уже известным поэтом в США и Великобритании (а в настоящее время считающийся одним из самых почитаемых и широко читаемых поэтов в англоязычном мире, чьи стихи, пьесы и критические статьи оказали существенное влияние на мировую культуру XX века) в 1921 году, работая над поэмой «Пустошь» (The Waste Land, 1922), посетил спектакль «Русские балеты», поставленный по пьесе Стравинского «Весна священная».

В своей рецензии, опубликованной в «Циферблате», Т.С. Элиот высоко оценил музыку Стравинского за ее современность, способность «превращать музыку степей в звук автомобильного рожка, грохот машин, стук колес, биение железа и стали, рев подземной железной дороги и варварские крики современной жизни; и вновь превращать эти отчаянные звуки в музыку» [19]. Т.С. Элиота в гораздо меньшей степени взволновало то, что он назвал «примитивной церемонией» хореографии, но среди историков его творчества есть мнение, что именно это противоречие между ультрасовременным и примитивным стало неотъемлемой частью поэтического видения Пустоши Т.С. Элиота [19].

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

На становление британского модернизма оказал значительное влияние и русский авангард в изобразительном искусстве, с которым британцы впервые познакомились в русском разделе «Второй постимпрессионистской выставки» в 1912 году, организованной искусствоведом Роджером Фраем из группы Блумсбери [12].

Выводы. На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Процесс формирования образа России в британском коллективном сознании в 1897–1907 гг. и вокруг указанного периода проходил под воздействием пяти основных факторов: геополитического противостояния Российской и Британской империй; военных побед и поражений России, сопровождавшихся негативной британской пропагандой; стремительного развития российской экономики, в том числе с привлечением британского капитала; «эдвардианской русофилии» к традиционной русской культуре и непреходящей значимости высокой русской культуры для развития британского модернизма.

2. Под воздействием выявленных факторов в указанный период в британском коллективном сознании сложился довольно противоречивый образ России. Тем не менее он разительно отличался от прежде доминировавшего образа отсталой варварской страны, не способной ничего дать миру, кроме неконтролируемой военной угрозы.

3. Новые черты в образе Российской империи стали основой положительных тенденций, наметившихся в отношениях двух основных мировых держав и закрепленных англо-русской Антантой и Англо-русской конвенцией 1907 г., разграничившей сферы влияния Великобритании и России в Центральной Азии и обладавших значительным потенциалом.

Список литературы

1. Андреева Г.Н. Ионическая конституция 1799 г. и другие конституции XVIII в.: компаративистский анализ // Известия вузов. Серия: Правоведение. – 2011. – №2. – С. 122–133.

2. Галин В.В. Капитал Российской империи. Практика политической экономии. – М.: Алгоритм, 2015. – 352 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

3. Гордячкова О.В. Роль иностранных инвестиций в экономике Российской империи и Российской Федерации: компаративный анализ // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – Вып. 6(6). – С. 110–112.

4. Лисовская Е.Г. Иностранный капитал в экономике пореформенной России (1861–1913): автореф. дис. … канд. экон. наук. – М.: РЭУ, 1996.

5. Braithwaite R. (2011). The Russians in Afghanistan. Asian Affairs 42.2 (2011): 213–229.

6. Dallin D.J. (2008). The Rise of Russia in Asia Hardcover. Hesperides Press, 2008, 308 p.

7. Eskridge-Kosmach, A.N. (2008). Russia in the Boxer Rebellion. Journal of Slavic Military Studies 21.1 (2008): 38–52.

8. Garafola L. (1989). Diaghilev's Ballet Russes (New York; Oxford: Oxford University Press, 1989, pp.300–29.

9. Hardiman L. (2013). Infantine Smudges of Paint … Infantine Rudeness of Soul: British Reception of Russian Art at the Allied Artists' Association, 1908–1911, in A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture. Cambridge: Open Book Publishers, 2013, pp. 133–47.

10. Hughes M. (2014). Beyond Holy Russia: The Life and Times of Stephen Graham. Cambridge: Open Book Publishers, 2014.

11. Golicz R. (2003). The Russians shall not have Constantinople: English Attitudes to Russia, 1870–1878, History Today (November 2003), 53, №9, pp. 39–45.

12. Gruetzner-Robins A. (1997). Modern Art in Britain 1910–1914. London: Merrell, 1997, pp. 105–07.

13. Jacob F. (2015). The Russo-Japanese War and the Decline of the Russian Image. CUNY Academic Works. Retrieved from http://academicworks.cuny.edu/qb_pubs/17. Accessed on 19.10.2019.

14. Jones Th. (2016). British Business in Russia in 1894–1914. University College London. Retrieved from https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1559904/1/ Final%20Thesis%201606.pdf Accessed on 12.9.2019.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

15. Kazemzadeh F. (2013). Russia and Britain in Persia: Imperial Ambitions in Qajar Iran. I.B. Tauris, 739 p.

16. Kelly L. (2017). British Humanitarian Activity and Russia, 1890–1923. Palgrave Macmillan, 2017.

17. Maclean C. (2015). The Vogue for Russia: Modernism and the Unseen in Britain, 1900–1930. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015, p. 1.

18. Sakowicz I. (2005). Russia and the Russians in the opinions of the British press during the reign of Alexander II (dailies and weeklies). Journal of European studies 35.3 (2005): 271–282.

19. Taunton M. (2016). British modernism and the idea of Russia. Published on 25 May 2016. Retrieved from https://www.bl.uk/20th-century-literature/articles/british-modernism-and-the-idea-of-russia. Accessed on 14.11.2019.

20. Trepanier L. (2017). The Russian Empire (1721–1917). Voegelin View. Retrieved from https://voegelinview.com/russian-empire-1721–1917/. Accessed on 22.10.2019.

21. Von Laue T.H. (1954). A Secret Memorandum of Sergei Witte on the Industrialization of Imperial Russia. The Journal of Modern History, Vol. 26, No. 1 (Mar., 1954), pp. 60–74.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)